

Заглавие документа:

Уланович, О.И. ЗНАКОВОСТЬ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета: Материалы международной научно-практической конференции, Смоленск, 26 – 27 ноября 2010 г. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. – С. 218 – 224.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Психология сознания

Дата публикации: 2010

Издатель: Смоленский государственный университет

Аннотация: *Современная наука признает бесспорным факт принципиальной знаковости ментальных процессов и отвергает существование «оголенных мыслей», однако вопрос знаковости вербально-логического (речевого) мышления дискуссионный по сей день. «Рассвет» идеи осуществления мышления на национальном языке в отечественной науке завершился полным ее опровержением уже к концу прошлого столетия. Идея о наличии в сознании некоторых специфических ментальных образований, позволяющих мыслить концептуально, строить связи, выводы и прогнозы, нашла свою реализацию в теории универсального предметного кода, радикальной гипотезе образов, концептуально-пропозициональной гипотезе и др. В развиваемой нами теории смысловых единиц реализуется предположение о хранении мысленных образов и пропозициональных единиц в сознании человека в едином формате.*

О.И. Уланович

**ЗНАКОВОСТЬ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОСТРАНСТВЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА**

Популярность междисциплинарного диалога в исследовании таких интегративных проблем когнитивистики как языковое сознание, вербальный интеллект, взаимосвязь языка и когниций объясняется стремлением выйти за ограничения внутринаучной методологии традиционных направлений. С одной стороны, исследование феномена сознания невозможно без анализа его сложных взаимодействующих связей с языком и речевой деятельностью. С другой стороны, антропоцентрическая парадигма в современном языкознании позволяет

рассматривать язык как миромоделирующую систему и инструмент концептуализации сознания.

Мышление, бесспорно, полиморфно: существуют его различные виды, отличающиеся по глубине и способам освоения человеком действительности и опирающиеся на различные знаковые носители. Практическое и образное мышление может обходиться без слов, опираясь на конкретные действия, наглядные образы или представления. Однако высокого уровня абстрактности мышления можно достичь только благодаря овладению человеком языком его среды. Современная наука признает бесспорным факт принципиальной знаковости ментальных процессов и отвергает существование «оголенных мыслей», однако вопрос знаковости вербально-логического (речевого) мышления дискуссионный по сей день. Идея его осуществления именно на естественном языке была чрезвычайно популярна в середине XX в. в отечественной науке.

Так, Б.В. Беляев в книге «Очерки по психологии обучения иностранным языкам» (1965) заявлял о необходимости обучения учащихся «мыслить на иностранном языке». Он отметил: «Преподаватель добивается мышления на изучаемом языке. ...Процесс сопровождается выработкой новых психофизиологических механизмов, с помощью которых они [учащиеся] должны несколько иными языковыми средствами думать о ней» [1, с. 13].

В это же время, в 60-е гг., известный психолог А.Н. Соколов вместе со своими коллегами провел ряд экспериментальных исследований по проверке гипотезы, является ли национальный язык «базальным компонентом» мыслительного процесса [8]. Испытуемым с разными национальными языками предлагались различные задания: в первой серии – связанные с использованием родного языка, во второй – без прямой опоры на язык. Получение электромиограмм, выявляющих латентную активность органов артикуляции при выполнении заданий обоих видов, позволили ученым сделать вывод о том, что именно национальный язык является «базальным компонентом» мыслительных процессов. Возникший ряд вопросов – несхожесть рисунков электромиограмм у испытуемых, возможность неязыковой активности органов артикуляции и др. – не позволили признать валидность исследований и правильность выводов.

«Рассвет» идеи осуществления мышления на национальном языке в отечественной науке завершился полным ее опровержением уже к концу столетия. Очевидно, что одна и та же мысль может быть оформлена по-разному, одно и то же понятие может иметь различные формы языкового воплощения даже в рамках одного языка. Можно сказать «Я доволен твоими успехами», а можно «Ты радуешь меня своими результатами», или «Счастливы слышать о твоих достижениях». Те же слова могут быть использованы для оформления разных понятий, представлений, идей. Мы

можем сказать «дорог» и о любимом человеке, и о предмете мебели и одежды, но указанные качества различны.

С другой стороны, всем нам знакомы «муки слова». Не случайно Ф.И. Тютчев отметил, что «мысль изреченная есть ложь», а Ф.М. Достоевский утверждал, что «мысль не пошла в слова». Понимаем мы и чувствуем гораздо тоньше и глубже, чем формальные средства даже самого богатого и развитого языка позволяют выразить. Средства именно формальные, не обладающие возможностью передавать ощущения, тонкость настроений, глубину чувств и мысли, которые, несомненно, присутствуют в самой мысли, но не отображаемы через слова и выражения языка. Значит, сама мысль столь насыщенная и аффективно окрашенная должна существовать в «сером веществе нашего мозга» в некой другой форме, а не в форме слов и предложений, в форме, позволяющей ей возникать мгновенно, симультанно, наглядно и эмоционально, содержать тонкости душевного состояния личности.

В этой связи нагляден хрестоматийный пример Л.С. Выготского. Говорящий желает передать, что он видел сегодня, как мальчик в синей блузе босиком бежал по улице, при этом он не видел отдельно мальчика, отдельно блузы, отдельно то, что она синяя, что мальчик без обуви, что он бежит [3]. Все это присутствует в едином акте мысли. Мысль в уме содержится как целое, а в речи развертывается отдельными единицами. То, что в мысли содержится симультанно, в речи развивается сукцессивно.

Особого внимания заслуживает гипотеза немецкого лингвиста конца XIX в., основоположника психологизма в языкознании Х. Штейнталя. В отличие от предметного мышления, основанного на представлениях о явлениях действительности (сенсорных элементах), языковое мышление, как утверждает автор, опирается на представления о представлениях (вдвойне субъективные явления). Они выявляют внутреннюю сущность языка и специфичны для каждого народа, равно как и для каждого языка.

Нельзя не признать факт постановки вопроса в зарубежной науке уже в конце XIX в. о наличии в сознании некоторых специфических ментальных образований, позволяющих мыслить концептуально, строить связи, выводы и прогнозы. Такие интеллектуальные действия вполне оправдано рассматривались необъяснимыми и недостижимыми с опорой исключительно на сенсорные компоненты сознания.

Реализуя идею универсальности ментальных знаков и процессов, российский психолог Н.И. Жинкин сформулировал гипотезу о существовании в сознании универсального предметно-схемного кода [4]. Это система знаков: схем, образов, осязательных отпечатков реальности, двигательных импульсов. Представления как изобразительные компоненты кода схематичны. Именно естественный язык является, по мнению автора, средством выработки этого субъективного кода, который, будучи переведен на национальный язык, обеспечивает сам процесс

общения, достижение понимания, а также сравнение субъективных представлений и сглаживание различий между ними.

Определенным продолжением теории Н.И. Жинкина выступает гипотеза предметно-изобразительного ментального кода, активно развиваемая и поддерживаемая в отечественной науке и фактически не имеющая личного авторства. Изображение у человека входит в самый состав его мышления, отсюда, по мнению сторонников гипотезы, зарождение и существование мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде. Обыденные наблюдения и некоторые частные опыты подтверждают высокую достоверность данной идеи.

Так, восприятие рисунчатого рассказа Х. Бидструпа занимает от силы 1 минуту, при этом метрическое постукивание (звучание музыки или даже одновременное восприятие другого текста через слуховой канал) не оказывает особого интерферирующего действия. Изображение распознается, интерпретируются, запоминается в своем предметном коде быстро и эффективно, словесный отчет о нем может быть отложен. С тестовыми заданиями на понимание сообщения, изложенного в рисунчатом рассказе, испытуемые справляются успешно, что свидетельствует об адекватности, полноте, а главное – глубине понимания. При этом устный словесный пересказ рисунчатой истории займет до 3 минут и, как показывают опыты, сопровождается трудностями подбора слов, нарушением последовательности эпизодов события, дублированием уже сказанного, сложностью смыслоформулирования.

Представление, как и явление, которое оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Очевидно, что в ту 1 минуту непосредственного восприятия рисунчатого рассказа реципиент никак не мог опираться на некие слова или другие тяжеловесные знаковые элементы: код, на котором осуществлялся мыслительный процесс, был менее избыточен, чем естественный язык. Предметы и взаимоотношения между ними мысленно анализируются нами быстрее, чем мы можем об этом говорить (тем более, писать).

Сторонники радикальной теории образов (по сути аналога гипотезы предметно-изобразительного ментального кода), развиваемой за рубежом, указывают на следующие основные свойства образного кода. Во-первых, он обладает пространственными свойствами. Во-вторых, возникающий образ не связан с определенной перцептивной модальностью. В-третьих, образный код не разложим на части, целостный [6].

Образная компонента сознания долгое время игнорировалась, и, несмотря на нынешнюю популярность этой темы, теорий по формату образного кода до сих пор нет, что ограничивает наше знание о механизмах его функционирования.

Противоположной вышеизложенной идее выступает концептуально-пропозициональная или предикативная гипотеза. Теория была предложена

Дж. Андерсеном и Дж. Бауэром, нашла свое дальнейшее развитие в работах В. Кинча [10]. Суть гипотезы заключается в том, что ментальный вербальный код представляется в виде системы концептов и пропозиций.

Знание об объектах и явлениях конституировано посредством концептов – базовых когнитивных сущностей, связывающих значение со словом. Концепт позволяет говорить об объекте не только на уровне физической сущности, но и на разных уровнях общности, выполняя при этом функцию категоризации. Категория концепта в зарубежной науке есть, по сути, аналог «понятия» в работах отечественных психологов. Концепт (как и понятие) выступает некой атомарной ментальной единицей, интегрирующей слово с его семантическим содержанием.

Более емкой и информативной ментальной структурой выступает пропозиция, отражающая концептуальные связи и отношения, а также информацию динамического характера. Современное понимание этой категории есть своего рода объединение логического и лингвистического ее рассмотрений. Пропозиция состоит из предиката и одного или более аргументов (актантов). Предикат образует ядро пропозиции, способен приобретать модальные и временные характеристики, в классическом понимании предикат соответствует глаголу в языке. Аргументы формируются концептами. Пропозиция образует глагольный комплекс, производный от конструкции предложений.

Существуют атомарные пропозиции как семантические инварианты (например, «Все кошки питаются мясом»). Семантико-синтаксическая структура атомарной пропозиции считается изоморфной структуре факта. При восприятии и понимании информации имеет место построение в сознании более сложных пропозиций через перевод информации с естественного языка на ментальный пропозициональный код. Создание пропозиции – соединение независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными концептами, называется предикацией. Ее цель и назначение – отразить актуальное состояние объекта / субъекта (событие, ситуацию действительности).

Как очевидно из описания, пропозиционный код структурно близок к естественному языку, хотя непосредственно ментальный формат пропозиции нам не известен. Положительным моментом теории является возможность объяснения логики человеческого мышления, процессов прогнозирования, построения выводов, планирования через структурно-схематические объединения и упорядочение атомарных пропозиций и концептов. В целом, наше сознание наполнено рядом схем и стратегий (механизмов) когнитивной обработки информации – группировки и взаимного «сцепления» концептов и пропозиций. Эти схемы являются конвенциональными моделями сознания, репрезентирующими общую логику развития ситуаций реального мира, группирующими состояния и

действия, относящиеся к единой цели, обстановке, заданной во времени и пространстве, единым причинно-следственным условиям [9].

В формировании в сознании таких схем велика роль языка как миромоделирующей системы. Так, А.А. Потебня еще в конце XIX в. высказал мысль, что врожденных категорий времени, пространства, причины и других люди не имеют: они рождаются со способностью чувственного восприятия, но оформляются при овладении словом. Ученый полагал, что акт сознания субъекта выступает в качестве производного от языковой структуры, и указывал на зависимость индивидуальной психики от наиндивидуальных творений народа – языка, его структуры [5].

В развиваемой нами теории смысловых единиц реализуется предположение о хранении мысленных образов и пропозициональных единиц в сознании человека в едином формате [9]. Базовый элемент языкового сознания – смысловая единица, включающая индивидуально-пропорционально представленные у каждого человека знаковый, образный и эмоциональный компоненты.

Так, помимо знаков естественного языка (звуков, слов, фраз) существуют ментальные знаки – репрезентации внешних знаков в индивидуальном сознании. Первые обладают значением: стабильным, устойчивым – нормативной тождественностью, вторые – индивидуальным смыслом, имеющим пристрастную природу, связаны с отношением, оценкой, индивидуальной трансформацией. Индивидуальный смысл ментального знака определяется его связью с определенным образом и эмоциями в сознании человека в рамках одной смысловой единицы.

Образ представляет собой ментальную репрезентацию фрагмента действительности – контекст функционирования знака. Человек познает окружающий мир через призму своих эмоций, которые фиксируются в сознании симультанно при формировании смысловой единицы, в комплексе с ментальным знаком и образом. Так, С.Л. Рубинштейн, заметил, что «...мышление уже само является единством интеллектуального и эмоционального» [7, с. 97]. В.Н. Волошинов, в свою очередь отметил: «Не переживание организует выражение, а наоборот, выражение организует переживание, впервые дает ему форму и определенность направления» [2, с. 84]. Тем самым акцентируется роль знака как инструмента радикализации сознания: его системообразующая роль в концептуализации в сознании представлений и отношений с учетом принципа единства знака, аффекта и интеллекта.

Смысловые единицы во многом схожи у языковых личностей, поскольку определяют понятийное мышление в целом. С другой стороны, знаковый, образный и эмоциональный компоненты пропорционально и качественно представлены у разных людей по-разному.

Итак, только благодаря овладению человеком знаковой коммуникативной системой, в сознании формируется особый ментальный

код – основа логических форм мышления: понятия, суждения, умозаключения. Вербально-логическое мышление можно определить как высшую форму мышления, обеспечивающую отражение сложных связей и отношений, решение теоретических задач, выведение заключений и прогнозирование событий посредством оперирования в сознании смысловыми концептуальными единицами, формируемыми в непосредственной связи с языковыми структурами и составляющими их психологическое семантико-смысловое наполнение [9, с. 228].

Литература

1. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1965. – 227 с.
2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. – Л.: Прибой, 1930. – 158 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь – 5-ое изд., испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 350 с.
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 158 с.
5. Потебня А.А. Мысль и язык: собрание трудов. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
6. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность / пер. с фр. – М.: ИП РАН, 1998. – 232 с.
7. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 423 с.
8. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. – М.: Просвещение, 1968. – 248 с.
9. Уланович О.И. Психолингвистика: учебное пособие. – М.: Изд-во Гревцова, 2010. – 240 с.
10. Kintsch W. Approaches to the Study of the Psychology of Language // Talking Minds: The Study of Language in Cognitive Science. – Cambridge: MIT Press, 1987. – P. 73 – 110.